

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ РОДСТВА И ВОЗРАСТА

М.С.-Г. Албогачиева

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ИНГУШСКОЙ ЖЕНЩИНЫ (XIX–XXI века)

В современной науке принято различать прирожденный социальный статус, обусловленный полом, этническим и социальным происхождением, и достигнутый статус, приобретенный за счет личных способностей человека. От социального статуса зависит то, как воспринимается человек в обществе, какого поведения от него ожидают. Социальная реальность и мировоззрение членов социума находятся в тесном взаимодействии, составляя в целом единую систему, которую мы привыкли называть культурой. В ходе исторического развития происходят различные изменения в традиционных институтах: одни живут, другие трансформируются под влиянием исторических факторов, а некоторые исчезают вовсе. В результате этого меняется и мировоззрение самих носителей тех или иных традиций.

Предметом исследования данной статьи является социальный статус ингушской женщины, составляющими которого выступают правовой и экономический статусы.

Правовой статус ингушской женщины в XIX–XXI веках реализуется в рамках трех юридических систем:

- обычного права — адата;
- мусульманского права — шариата;
- официального — позитивного права.

Экономический статус определяется правом женщины (или его отсутствием) на владение личной собственностью или наследством.

Социальный статус ингушской женщины детерминирован положением и мужа, и взрослых сыновей в обществе. Замужние женщины всегда обладали большей свободой, чем незамужние, последние вели домашнее хозяйство и не допускались к общественной работе.

Способом обретения статуса могло стать и вдовство, в результате которого женщина как утрачивала свой статус, так и наследовала более высокий статус своего мужа [Першиц 1996: 13]. Вполне естественно, что женщина, в одиночку управлявшая хозяйством, пользовалась значительным авторитетом.

Местные адаты традиционно регулировали все сферы общественного бытия, но наиболее важными вопросами были брачные и семейные отношения, которые неоднократно изменялись. Так, в XIX в. и начале XX в. разрешалась женитьба на вдове брата, к которой чаще прибегали несостоятельные люди, избавляясь от уплаты брачного выкупа, *калыма*. Бытовали и случаи, когда к левиратному браку обращались состоятельные люди с целью сохранить статус полноправной хозяйки дома за вдовой, чтобы она могла воспитывать детей в лоне семьи. В настоящее время этот обычай себя изжил.

Интересен сам институт *калыма*, который с утверждением ислама стал служить защитой социального статуса женщины. Он не предусматривает доли для родителей и весь используется на покупку приданого для невесты [Албогачиева 2007: 53]. Сумма *калыма* постоянно меняется. В материалах местной газеты «Сердало» неоднократно появлялись критические статьи о его размере и сущности [Калым в Ингушетии 1924: 1].

Актуальна эта тема и сегодня. В последние годы под влиянием Муфтията Республики Ингушетии сумма *калыма* определяется с учетом социально-экономических условий жизни: с 2000 г. она составляла 12 тыс. руб. [Албогачиева 2007: 58], с 5 июля 2010 г. она возросла до 40 тыс. руб. [Албогачиева 2011: 480–488].

Ни адат, ни шариат не признавали за мужем никакого права на имущество жены: все, что девушка привозила с собой и скапливала в совместном браке, являлось ее собственностью. Муж не имел права расходовать средства жены без ее согласия, а в случае растраты женщину защищали ее близкие родственники.

Местный адат также полностью исключал мужа из списка наследников. В том случае, если женщина была бездетна, после смерти все ее имущество возвращалось в дом родителей [Керимов 2007: 169]. Если у покойной женщины были сыновья, то между ними наследство матери распределялось в равных долях. Иной позиции придерживался ша-

риат: муж должен был получить половину имущества жены, в том случае, если она была бездетна, и четверть при наличии детей [Вагабов 1980: 37].

С годами социальный статус начинает меняться: женщина постепенно втягивается в новую систему производственно-экономических отношений, в которой большое значение приобретает торговый обмен. Горянки стали принимать активное участие в торговле продуктами своего производства: молочные продукты, яйца, ягоды и проч. Н.П. Гриценко отмечал: «Мужчины торговали “дорогим” товаром. <...> В летние месяцы женщины у стен крепости продавали ягоды, орехи и другое на 15–20 рублей серебром» [Гриценко 1972: 54].

Женщины занимались и кустарным производством: обработка шерсти и изготовление различного рода изделий из нее, а также шелковичное дело. Все это давало экономическую свободу [Хасбулатова 1983: 58]. Они могли свободно распоряжаться получаемой прибылью, проявляя известную долю экономической самостоятельности, а общество гарантировало соблюдение их имущественных прав.

В Российской империи судебная и административная система были неотъемлемой частью управления краем. Так, с 1871 г. стал функционировать Назрановский горский словесный суд [Адат 2003: 169]. Наряду с отдельными нормами адата и шариата использовались нормы российского права и процесса [Северный Кавказ 2007: 200].

Таким образом, на охрану статуса ингушской женщины встало государство. Однако ее социальной статус оставался ниже, чем у мужчины. Лишь выполнение заданных обществом норм позволяло женщине достичь того высокого социального статуса, при котором женщина начала пользоваться уважением со стороны социума.

Для каждого возраста была характерна своя модель поведения: например, молодые женщины и после смерти мужа, если в доме были свекровь и свекор или брат покойного, не имели права управлять хозяйством. Отклонение же от жизненного стандарта определяло женщину в категорию нарушителей норм общепринятого поведения.

Советская власть дала ингушской женщине возможность получать образование, участвовать в производственной и общественной деятельности, право на владение личной собственностью и право на детей. Вместе с тем многие права, декларируемые законом, на практике не реализовывались, проблема неравенства мужчины и женщины оставалась. Чаще всего муж принимал решения без участия жены или ставил ее в известность, как бы констатируя факт, хотя это было и не абсолютным для всего ингушского общества.

Постсоветский период наложил определенный отпечаток на повседневную жизнь всего ингушского общества. Низкий социально-экономический уровень, массовые миграционные процессы, безработица, процессы, связанные с переселением людей из Северной Осетии после осетино-ингушского конфликта, первой и второй чеченской кампании, — все эти факторы повлияли на полоролевую дифференциацию в семье. Женщины превращались в кормильцев семьи, и стало типичным фактическое равноправие супругов [Долакова 2008: 53].

Социальный статус современной ингушки во многом определяется ее личными качествами и способностями, где учитывается ее профессиональная деятельность и общественная активность. Есть и много уязвимых сторон в жизни современной ингушки. Прежде всего, это их право на брак. Многие мужчины уезжают на учебу, работу за пределы республики, там женятся и остаются жить.

Для женщин, оставшихся в регионе, не остается шансов выйти замуж, и многие согласны быть второй, третьей или четвертой женой, часто лишь с одной целью — завести ребенка, ведь по ингушским обычаям женщина не может иметь внебрачных детей или выйти замуж за иноверца / представителя другой национальности. Это запрещено ингушскими адатами. Впрочем, по шариату таких ограничений во втором случае нет, лишь бы был мусульманином.

Для ингушей совершенно неприемлемы незарегистрированные сожительства, гостевые и экстерриториальные союзы («браки выходного дня»), «открытые» браки (когда каждый из супругов пользуется полной сексуальной свободой), групповые браки. Тех, кто осмелится переступить неписаные законы, отвергнет и семья, и все общество. Поэтому многие ингушки остаются старыми девами или соглашаются на брак с уже женатым мужчиной.

Необходимо подчеркнуть, что в Ингушетии к полигинному браку негативное отношение. Ингушские женщины ощущают свою ущербность в таком браке, который находится вне закона Российской Федерации [Албогачиева, Бабиц 2009: 42]. Например, одна женщина, ставшая третьей женой, рассказывает, что вступить в брак ее заставили обстоятельства. К периоду вступления в брак она была дипломированным специалистом, имела хорошую работу, квартиру, прилично зарабатывала, но семьи не было, а ей уже исполнилось 38 лет. Желание иметь детей заставило ее поступиться собственными принципами. Будучи третьей женой, ей пришлось испытать морально-психологическое давление со стороны родных мужа, своих близких и даже коллег. От нее такого поступка не ожидал никто.

Противоречия традиционного общества и современных тенденций развития человечества, в том числе и в области демократизации права и рыночной экономики, влияют на социальный статус ингушской женщины, приводя к ее социальной незащищенности и гендерному конфликту. Полностью полагаясь на незыблемость обычаев, на восприятие социального статуса «настоящего мужчины» и «настоящей женщины», многие дезориентированы перед лицом быстрых изменений, происходящих в глобализирующемся мире.

Библиография

- Адат. Традиции и современность. Тбилиси, Москва, 2003.
- Албогачиева М.С.-Г.* Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007.
- Албогачиева М.С.-Г., Бабич И.Л.* Ислам и право в современной Ингушетии // Религия и право. 2009. № 4.
- Албогачиева М.С.-Г.* Конференция мусульман республики Ингушетия // Антропологический форум. 2011. № 14.
- Вагабов М.В.* Ислам и семья. М., 1980.
- Гриценко Н.П.* Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.
- Долакова З.М.* Влияние межэтнического конфликта на ролевую структуру традиционной семьи. Назрань, 2008.
- Калым в Ингушетии // Сердало. 1924. 19 нояб.
- Керимов Г.М.* Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб., 2007.
- Периц А.И.* Геронтоимные традиции и долгожительство на Северном и Западном Кавказе // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в. М., 1996.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
- Хасбулатова З.И.* Некоторые формы взаимопомощи, связанные с хозяйственным бытом чеченцев и ингушей в конце XIX — начале XX в. // Хозяйство и быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.